

A man and a woman in futuristic leather jackets embracing. The man is on the left, wearing a dark blue/black jacket with gold accents. The woman is on the right, wearing a bright yellow jacket and gold gloves. They are in a close embrace, looking at each other. The background is a blurred, industrial or futuristic setting.

Андрей Даниус

Отклонение в производственном романе

18+

Андрей Ланиус

Отклонение в производственном романе

<https://litres.ru/73948803>

SelfPub; 2026

Аннотация

Даже , если приключится роман на производстве, то все равно золото манит нас и прикажет желтый идол нам и т д и т п.

Не может быть доверительных отношений между людьми, если в основе лежит принцип - " делай деньги - дребеденьги, остальное все чушь и тлен!"

Содержание

Глава 1 Ядро	4
Глава 2 Быть или не быть?	14
Глава 3 Всё хорошо, прекрасная маркиза...	25
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Андрей Ланиус

Отклонение в производственном романе

Глава 1 Ядро

Шаров приехал в первом часу

Антон услышал, как у ворот остановилась машина,, затем хлопнула дверца, скрипнула калитка. Послышалось радостное тьяканье маленькой вертлявой собачонки Бульки, которой Шаров частенько подкидывал лакомые кусочки.

Антон отложил книгу, поднявшись из-за стола, зажег на веранде свет. Навстречу ему шагал Шаров- коренастый, круглолицый мужчина сорока лет, прозванный среди рабочих «Ядром»- главным образом за взрывную, неиссякаемую энергию, который он был начинен, будто вылетающее из пушечного жерла чугунное ядро. Его длинный нос, что навис над толстой губой, напоминал клюв сильной, неутомимой птицы. Жесткие короткие волосы торчали вертикально, словно наэлектризованные. Маленькие голубоватые глазки, незнакомые с очками, казалось, видят насквозь.

- Здравствуйте, Лев Кириллович!

- Валерьяныч! Рад видеть! – Шаров протянул небольшую

мясистую ладонь, крепко пожав руку. – Тетя Ася дома?

- На дежурстве.

- Тем лучше! Чайком угостишь?

- Обязательно. Можно и яичницу сварганить.

- Отлично! Жрать охота, извините за мой французский.

Они прошли на кухню.

Антон ничуть не удивил поздний визит главного инженера. Кабинетной крысой того не назовешь. Шаров без усталости мотался по объектам, вникал в вопросы и вопросики, устраивал планерки и совещания, доказывал, убеждал, предлагал новые идеи, и все это было шумно, задиристо, настойчиво.

Наверняка инспектировал соседний участок, и увлекшись, задержался допоздна. И уж тут ему был прямой резон ехать на ночлег к Антону. Ибо, в отличие от других участков, здесь можно было выспаться не в тесном вагончике, а в уютном доме, у хозяйки которого – доброй и гостеприимной женщины – мехколонна арендовала две комнаты. А Шаров любил комфорт, хотя при необходимости мог щегольнуть полным к нему пренебрежением.

Лицо Шарова сияло, в глазах – ни тени усталости, модная рубашка по швам, распираемая упругими, перекатывающимися мышцами.

- Ну, Антон Валерьянович, ну, мой дорогой Молись за меня! Молись за меня! – повторил он несколько раз, жмурясь от сильного света стоваттной лампочки.

- И какого рода должна быть молитва? – не без иронии

спросил Антон.

- Сейчас информирую.

Шаров принялся ходить из угла в угол, твердо ступая туфлями на высоких каблуках.

- Так вот, я нашел живого монтажного бога.

- Вы верите в богов?

- В монтажных – верю!

- С каской вместе нимба и гаечным ключом в руках?

- Вот погоди, познакомлю тебя с ним – не будешь смеяться.

- А если серьезно?

- Все серьезно, мой дорогой, все вполне серьезно. Объясню. Есть на стороне, понимаешь, на стороне – хорошая бригада. Работают ребята, как черти. А бригадир и есть тот самый монтажный бог. Гефест. Они согласны поработать на твоём участке. Понял?

- Не очень. Разве мои плохо работают? Второй месяц первое место держим в колонне

Шаров сорвался с места:

- Первое место! Кому завезли вовремя материалы, у того и первое место. Тебе сейчас рывок нужен, импульс!

- Минуту, я чай заварю.

Тем временем Шаров взял со стола книгу, которую Антон читал перед его приездом, взглянул на обложку.

- Детектив «Загадочный звонок» Не жалко времени?

- Не справочники же читать на ночь?

- Говорят детективы хорошо от бессонницы помогают, - рассмеялся Шаров. - Но и справочники для нашего брата, инженера, вещь стоящая.

- Этого я не забываю.

- Так вот. Я тебе настоятельно советую бога-олимпийца этого признать. Я тут кое-что прикинул. Сейчас у нас начало августа 1982 года Увидишь, всю трассу сдадим к ноябрьским. Чуешь, чем пахнет? В гору пойдешь! Глаз у тебя верный, еще вспомнишь. Да и бригадирам твоим пора ломать хребет. Знаю, что за обстановка у тебя на участке. Выжидают Признавать не спешат Ничего! Мы кое-кого подняли, мы и опустим. Веселей, Валерьяныч! Разрубишь свой гордиев узел. Одним ударом! Как Ганнибал!

- Александр Македонский,- поправил Антон.

- Какая разница! – Шаров махнул рукой. – Я понимаю, нужно подумать. Не тороплю. Давай сделаем так: на отгулы уезжаете послезавтра? Это будет среда. Вечером отдохни, а в четверг приходи к одиннадцати в мехколонну. Там все вопросы и обговорим.

- А все-таки, что за бригаду вы мне сватаете? Шабашников ?

Шаров даже не протестовал:

- Юридически можно назвать и так. Но в смысле дисциплины, трудолюбия, работоспособности – это что-то невероятное. Я на своем веку повидал немало разных шабашников, и, даю тебе слово, это – новая волна. Шабашники, они, брат,

дух времени отлично чувствуют.

Шаров громко отхлебнул из пиалы, вскочил и вновь забегал по кухне. В такие минуты он особенно оправдывая свое прозвище.

- Монтажник, шабашники – какая разница? Мы ставим под напряжение на два месяца под напряжение на два месяца раньше срока важнейший объект – ЛЭП500! Это главное, а все остальное шелуха! Я завтра - Тут он взглянул на часы и улыбнулся - вернее, сегодня выезжаю в полшестого, чтобы к девяти быть в мехколонне. Куча дел. Все надо успеть. Целый день провел сегодня у Твердохлеба. Упрямый старик! – он покачал головой. – Хотелось бы детально разобраться и с твоим участком, но опаздывать нельзя, будет совещание с представителями треста, а дорога, сам понимаешь, дальняя. Так что будить не буду, спи спокойно. Что у тебя новенького? Дай-ка, я отмечу. – Он открыл свой «походный» портфель, выудил из него пикетажку. Портфель приткнул к вешалке, на которой висела спецовка Антона.

Заполняя пустые клетки свежими сведениями о ходе строительства ЛЭП, Шаров приговаривал:

- Я понимаю, все понимаю, Валерьяныч. Тебе надо сейчас утверждать себя Наша жизнь- человеческая жизнь, в сущности очень проста. Главное – попасть в струю. Получилось – будь спокоен, донесет она тебе до нужного места, а ты только поглядывай, как бы не влететь в водоворот. Но стоит зазеваться – вышвырнет из струи, а то и затянет. Вышвырнуло

- есть надежда попасть в новую струю. Сил, правда, осталось меньше, зато появился опыт. Но этот второй – критический. Если вышвырнет снова – сил на новую попытку останется минимально. Третий бывает только в сказках. А хуже всего – плыть в струе против течения. Это тоже верная гибель, при том мучительная.

- У ас целая теория, - отозвался Антон.

- А как же! Своя теория, брат есть у каждого. У тебя-то наверняка есть!

Антон задумался, затем произнес, как бы удивляясь, что в памяти отыскалось то, чего он не надеялся обнаружить.

- Есть Вернее, была.

- Ну вот! – самодовольно заключил Шаров. – А почему была?

- Я про нее и думать забыл. Даже не пойму, почему вспомнил. Будто вспышка в мозгу.

- А ну-ка, давай посмотрим, что ты там вспомнил?

- Так, пустяки Нет, надо же! Вспомнил вдруг Мне в седьмом классе пришлось поменять школу. И вот попал в спортивный класс, а сам был слабаком, дистрофиком, гнилым, лохом. Не очень просто быть слабаком в спортивном классе. И тогда я поставил цель: выполнить за два года норму первого разряда по легкой атлетике. И выполнил. Но было трудно. Дьявольски трудно. Вот тогда-то я и придумал теорию кистеперой рыбы.

- Что это за живность такая?

- Это рыба, которая появилась на земле около трехсот миллионов лет назад.

- С динозаврами?

- Много раньше! Именно в ту эпоху начал меняться климат планеты. Солнце светило все ярче, водоемы мелели. И кистеперой рыбе, чтобы спастись, чтобы продлить род, необходимо было научиться передвигаться по суше. Представьте, как она вначале мучилась и ломала плавники? И все же овладела сушей и дала жизнь всем сухопутным существам, в том числе и динозаврам. То есть, надо двигаться, упорствовать, видеть цель – и тогда можно достичь всего. А рыба, кстати, живет до сих пор.

Шаров кивнул:

- Мне эта теория нравится. Хочешь хорошо жить - надо работать. Без работы и везения не бывает. Так-то, брат. Участок твой работает вроде неплохо. Все колесики и шестеренки – пусть даже ведущей, а работником, который задает программу всему механизму.

Он посмотрел на часы и укоризненно покачал головой:

- Однако, пора на боковую. Давай! Спокойной ночи!

Встречаемся в четверг.

Антон пошел к себе. В этом большом чужом доме он ночевал в угловой комнате, две трети которой занимала старая чугунная комната.

Антон верил Шарову. Эта вера была, пожалуй, самым сильным чувством, которое он испытал по отношению к сво-

ему непосредственному шефу.

Дружелюбие, приязнь, взаимная симпатия как-то сразу наметились в отношениях, когда в 1979 году Антон пришел в мехколонну на должность прораба.

Антону нравились уверенные, чуть резковатые манеры Шарова, его деловитость и решительность. На планерках Антон неизменно поддерживал его предложения, всегда логичные и толково взвешенные.

Незадолго до майских праздников в мехколонне произошла сенсация. Петр Григорьевич Колобов, старый монтажный зубр, начальник третьего участка – самого крупного и рентабельного, решил оставить работу и заняться пчеловодством. И то – седьмой десяток человеку. Недели две конторские гадали, кто же займет место Колобова? Ткачук? Сафин? Иванов?

Оказалось - Антон Валерьянович Филимонов. Причем окончательное решение было принято с учетом настоящей рекомендации Шарова.

И вот позади почти три месяца работы в новой должности. Участок перевыполняет план, идет на первом месте по всем показателям.

Но Антон не обманывался. Привычка здраво смотреть на вещи выработалась у него давно. До сих пор он только формально именуется начальником участка. Участок по-прежнему называют «колобовским». Раз по двадцать на дню о слышит – «А вот когда был Петр Григорьевич» Настоящего

авторитета у него пока нет, хотя и выкладывается на все сто. На участке, да и в мехколонне, немало людей, которые признали его, но есть «нейтральные», есть и откровенные противники. Слава Колобова тяжким камнем лежит на плечах. Первые места по итогам летних месяцев – это как наследие.

Был только один способ утвердиться по-настоящему: доказать всем – от бригадиров до уборщиц – что он, Филимонов, умеет работать.

Построить свой участок трассы раньше других – не это ли самый верный путь к признанию? Разве он сам втайне не мечтал о стремительной, крупной победе?

Шаров далеко не альтруист. Вряд ли он заботиться о благе старшего прораба Филимонова. Несмотря на всю его энергию и работоспособность, Шарову тоже не легко.

В мехколонне он еще не обладает непререкаемым авторитетом, а хотел бы. Начальники участков и отделов, на чьих глазах он вырос, зачастую пускаются с ним в спор, чего он не любит, а подчас даже склоняют изменить решение. Надо послушать, как разговаривает с ним Твердохлеб!

Шарову тоже нужны свои люди

А вдруг?!

А вдруг его предложение – то именно то, что нужно?

Антон выбросил за окно окурок, повернулся на другой бок.

С Шаровым им по пути и оба прекрасно понимают это. По пути.

С этой мыслью он заснул.

Глава 2 Быть или не быть?

Антон проснулся как всегда в половине седьмого. Шарова уже не было. На кухонном столе лежала записка:

«А.В.! Не забудь! В четверг в 11-00 в мехколонне. Шаров.»

Антон вынес остатки вчерашнего супа Бульке. Вероники Маврикиевны, хозяйки дома, еще не было – обычно она возвращалась с дежурства в девять.

Он закрыл калитку и зашагал по обочине дороги, ощущая привычную бодрость.

День обещал быть знойным, по утрам выдалось прохладное, каким оно и бывает в предгорных заданий, так что Антон слегка поежился в своей тоненькой курточке.

От дома Вероники Маврикиевны до лагеря, который располагался за перекрестком двух шоссежных дорог, было полторы сотни метров. Здесь была околица поселка. Дальше – за обширным пустырем – до самых оранжевых гор, чья макушки были увенчаны лохматыми белыми шапками, тянулись сады, поля, виноградники. Одна из вершин была двухглавой, вернее, двухгорбой, так как живо напоминал спину верблюда. Вот впадина между горбами загорелась, сделалась нестерпимо яркой. Солнечный диск спешил на свое рабочее место, разгоняя клочья утреннего тумана.

Левая сторона дороги, вдоль которого шагал Антон, бы-

ла застроена добротными одноэтажными домами, справа же за оградой – располагалось хозяйство областного аэропорта. Нетерпеливо дожидался взлета элегантный ЯК-40. С голубого чистого неба скользил вниз курносый АН-24. Аэропорт был в общем-то тихим. Лишь дважды в неделю окна в окрестностях домов дребезжали несколько минут подряд – улетал, а затем прилетал московский ТУ-154.

С Антоном не раз случалось что утром, на свежую голову, он критически переосмысливал идею, которая еще минувшим вечером выглядела заманчиво и многообещающе. Вот и сейчас подумалось: а всё ли взвесил Шаров, предлагая столь необычный вариант? Что-то не приходилось слышать, чтобы шабашники подряжались строить ЛЭП.

Ну да ладно, до четверга еще целая вечность – есть время прикинуть все «за» и «против».

И все же появилась реальная надежда быстрее и прочнее утвердиться приятно волновала.

Антон миновал перекресток и оказался на территории участка.

Семь утра.

Тихо было в двух десятках вагончиков, что выстроилось буквой П. Казалось, что и могучие грузовики, также поставленные в ряд на некотором удалении от жилья, тихонько дремлют, досматривают свои механические сны.

В момент, когда Антон поравнялся с зеленым вагончиком, стоявшем на высоких колодках, дверь распахнулась и

на узкое крылечко вышел Николай Алексеевич Бондаренко – бригадир верхолазов.

Почти ежедневно они встречались по утрам у этого крылечка.

- Здравствуйте, Антон Валерьянович.

Бондаренко легко наклонил свою крупную красивую голову с пышной гривой светлых, чуть тронутых сединой волос.

- Здравствуйте, Николай Алексеевич. Как спалось?

- Спасибо. Хорошо, - то перекинул полотенце на другое плечо и не пеша зашагал к умывальнику, играя завидными для пятидесятилетнего мужчины мышцами.

Антон несколько секунд постоял, задумавшись.

Бондаренко – орденосец, заслуженный строитель, монтажный зубр – в обращении с Антоном был ровен и вежлив, впрочем, как со всеми окружающими. В каждом его жесте, слове чувствовался человек, знающий себе цену, со своей собственной точкой зрения на любой вопрос, хотя он и не торопился. Опытный работник, правда, несколько «пристрастившийся» к похвалам и наградам, он пользовался немалым влиянием в коллективе. Много раз ему предлагали занять инженерную деятельность, но Бондаренко отказывался, ссылаясь на недостаточность образования.

У Антона было четкое мнение, что Бондаренко не воспринимает его всерьез. Пока идет все нормально, тот вежливо раскланивается, но случись накладка, Бондаренко пойдет

к управляющему трестом или главком, к министру и своим ровным тоном скажет там, что не понимает, почему на руководящие должности ставят людей недостаточно подготовленных для этого, таких, к примеру, как Филимонов. И скажет он так не потому что желает Антону зла, нет, просто он твердо убежден, что Антон при всех его положительных качествах обладает тремя существенными недостатками – молод, неопытен, вспыльчив. Пусть поработает лет 20 прорабом. А выдвигать надо таких людей, как Колобов и Твердохлеб.

Завоевать доверие Бондаренко, просто почувствовать его серьезное отношение к себе – это и значило бы утвердиться.

Антон еще раз посмотрел в сторону Бондаренко.

Попробуй, завоюй такого! А ведь надо

Из вагончика – красного уголка вышел сторож участка дед Нестерко. На голове старая шапка с торчащими незавязанными ушками, на плечах – распахнутая телогрейка, ноги в валенках.

Он улыбнулся, отчего его коричневое, сморщенное, как высохшая груша, лицо сморщилось еще заметнее.

- Здравия желаем!

- Доброе утро, дядя Нестерко! Пора. Буди народ.

- Буит сделано!

Сторож прошмыгнул обратно, повозился – в вагончике что-то пискнуло, свистнуло, хрюкнуло и тут же в динамике разнесли по всей округе позывные « Маяка ».

Антон вошел в столовую. Здесь было пусто, лишь на кухне повариха Тамара гремела мисками. Он заглянул в окошечко:

- Здравствуй, красавица!

- Ой, здравствуйте, - вспыхнула та, потупив огромные синие глазища.

- Завтрак готов?

- Еще 15 минут назад.

- Что на сегодня?

- Котлеты пирожки с повидло и кофе. Вы будете есть?

- Пожалуй, дай пару пирожков и кружку кофе.

Вот для Тамары авторитет Антона был непререкаемый. Пожалуй, она даже малость побаивалась начальника, хотя тот был искренне ей благодарен за то, что она избавила его от хлопот по одной из самых больших проблем.

Прежде – еще в бытность Антона прораба – участку не везло с поваром. Из присылали то ворчливую тетку, то молодых девчонок – только-только после кулинарного училища. Тетка жаловалась на жару, девчонки хныкали и вспоминали мам, и все одинаково невкусно готовили и почему-то не могли правильно рассчитать число порций, так что монтажники, приехавшие с трассы последними, нередко оставались без ужина.

И вот месяца два назад шофер Ходжиакбар Шайхов привез на участок чумазую девчушку в промасленном комбинезоне. Оказалось, у Анвара по дороге вышел бензин, он свернул в ближайшей колхозной заправке, надеясь уломать за-

правщика и залить в бак хотя бы десяток литров. На заправке распорядилась бойкая девица. Мешковатый комбинезон, покрытый пятнами солярки, не смог скрыть ее статной фигуры, точно так же, как осевшая на лицо пыль была не состоянии затмить синеву ее огромных глаз, невесть как залетевших в эту сплошь кареглазую местность.

Разговорились. Точно неизвестно, что именно насочинял ей Ходжиакбар об участке. Девушка упросила взять ее с собой, оставив заправку на попечение помощника. Несмотря на робость, охватившую ее в присутствии Антона, она довольно твердо высказала желание работать в столовой

В первый же день Тамара завоевала сердце монтажников. Сначала своим видом, когда появилась перед ними в белом халатике и кокетливом колпачке.

Всеобщая симпатия возросла еще более, когда был отведен приготовленный ею борщ. Вот это борщец! В меру соленый и перченный, сдобренный помидорами, зеленью и чесночком. Чистое объедение!

Тамара по-прежнему робела в присутствии начальника участка. Вместе с тем в ее натуре все отчетливее проступала деловая хватка.

Повариха поставила перед Антоном тарелку с пышными горячими пирожками, большую кружку кофе, сама села напротив.

- Чего скажешь, красавица? – спросил он, с удовольствием отхлебнув бодрящий напиток.

Она опять покраснела.

- Антон Валерьянович, когда вы, наконец, привезете занавески на окна? Если нет готовых, дайте хотя бы простыни. Ну, посмотрите, что за вид в столовой без занавесок? И на счет вазочек давайте решим, - она выпалила все это на одном дыхании, словно опасаясь, что он перебьют.

Антон вздохнул, вынул из кармана записную книжку.

- Вот, смотри, - показал ей заполненную страничку, - на счет твоих занавесочек и вазочек я записал еще в начале десятидневки. Ты же знаешь, что это барахло я могу получить только на складе мехколонны и что бываю там только во время отгулов. А ты уже четвертый раз напоминаешь мне о тряпках. Что мне спецмашину заказывать?

- Извините, - прошептала она. - Я просточтобы вы не забыли.

- Не забыл, как видишь. Что еще?

Она снова вспыхнула. Заговорила прерывисто:

- Антон Валерьянович Мне говорили, будто в Ташкенте есть общежитие мехколонны. Вы не смогли бы написать записку коменданту, чтобы меня поселили, пока отгулы? - в глазах просительное выражение.

Он пожал плечами:

- Пожалуйста Но зачем тебе?

- А хочется. Я ведь не разу в Ташкенте не была. Хотя посмотреть, как там женщины одеваются.

- О, это серьезный довод

- Так вы напишите?

Раскрылась дверь и в столовую втекла шумная толпа.

- Ой, мне пора! – вскочила со скамейки Томила. – Значит, дадите записку?

- Обязательно!

«Впендюрить бы ей!» - неожиданно возникла мысль в голове молодого начальника.

Первой, как всегда, у окошка сгрудилась бригада Рауфа Мансурова. Рауф – худощавый, гибкий, чуть косолапый парень с прямой, словно негнущейся спиной, - самый молодой из бригадиров. С Антоном он был на «ты», запросто называет его по имени. Антон и виду не подает, что это его хоть как-то задевает. Он знает: на Рауфа и его парней можно положить при всех обстоятельствах.

От окошка доносились привычные сальные шуточки. Монтажники изощрялись в остроумии:

- У, какие сегодня порции маленькие!

- А пирожки с чем? Опять с лавровым листом?

- А кофе почему соленое? (Говорили именно так – «соленое»)

- А котлеты из чего – из морковки, что ли?

За раздаточным окошком Тамара преображалась. Уже не покрасневшая, а скорее раскрасневшаяся, она успевала кормить завтраком восемь десятков крепких мужчин, одновременно ловко парируя шуточки, реплики и остроты.

В дверях на выходе Антон столкнулся лицом к лицу с тре-

тым своим бригадиром Маратом Бурлаковым..

- Здравствуйте, Антон Валерьянович, - криво усмехнулся тот. (Или Антону только показалось, что криво?)

- Здравствуйте, Марат Николаевич, - подчеркнуто официально ответил Антон, проходя мимо. Его отношения с Бурлаковым становились все суше, строже, натянутей

- Антон Валерьянович - тот улыбнулся вымученной улыбкой.

- Да?

- Так вы не забудете насчет болт-шарниров?

Антон раздражали и этот тон, и эта улыбка.

- Почему вы вдруг решили, что я могу забыть? Сегодня к вечеру все проточат. В мастерской я уже договорился.

Бурлаков, видимо, тоже преодолевал что-то в себе. Улыбка превратилась в гримасу:

- К вечеру будет поздно. Мне две штуки нужны до обеда.

Антон нахмурился:

- Марат Николаевич, на планерке вы говорили, что болт-шарниры потребуются на завтра.

Я исходил из вашей заявки. А теперь получается – я должен все бросить и ехать в чужую организацию с новой просьбой.

- Да вы не сердитесь, Антон Валерьянович, - примирительным тоном произнес Бурлаков. - Я же не виноват, что ребята постарались и поставили вчера три опоры вместо двух.

- Вот за это – спасибо! Но, по крайней мере, вчера вечером

вы могли сказать про шарниры?

- Забыл. Извините.

Антон досадливо махнул рукой, и, повернувшись, зашагал к рации, которая размещалась в специальном отсеке вагончика-конторы. Веснушчатая толстушка Клава – радистка по прозвищу « радистка Кэт» и по совместительству кладовщица – включила приемник и сейчас сидела, уткнувшись в книгу. На связь с мехколонной обычно выходили в девять, но рацию включали в восемь – в это время можно было переговорить с соседними участками.

- Кто-нибудь спрашивал нас? – поинтересовался Антон.

- Нет.

- Передашь сводку вот эти радиограммы. Меня не будет. Я в райсельхозтехнику, оттуда на трассу.

- Хорошо.

Завтрак тем временем кончился.

Хлопали двери вагончиков. Шуршал под ногами гравий. Взревели автомобильные моторы, перекрывая громкие голоса. Монтажники, гомоня и перебрасываясь шутками, рассаживались по машинам, грузили в кузова такелаж и арматуру. К Антону подошел высоченный и тощий (ни дать ни взять жердь) монтажник по прозвищу Шило. Сзади маячил бригадир Галаган – поджарый, с рыжим казацким чубом.

Галаган кашлянул.

- Мастер, ну как, приедешь сегодня переход посмотреть? – будто подстегнутый этим покашливанием спросил Шило.

- Обязательно.

- А то гонять технику туда-сюда

Бригада Галагана была наиболее близка Антону. С нее началась его работа в ПМК. Тогда они строили небольшую ЛЭП в совхозе, жили в одном вагончике

Хлебали из одного котла, сообща проводили короткие часы досуга. С этими ребятами он чувствовал себя легко. По привычке они продолжали звать его «мастером». Отношения практически не изменились после назначения Антона начальником участка. Не изменились и некоторые странные манеры самого Галагана. Вопросы он решал, напуская на Антона заранее подготовленного Шила, и сам, стоя сзади, корректировал разговор, покашливая и сопя в нужных местах.

- Я приеду, приеду, - пообещал Антон.

- Будем ждать мастер.

Первая машина, урча, выползла на асфальт, свернула на перекресток и помчалась в сторону гор. За ней вторая, третья. Прошло несколько минут и на участке установилась полная тишина.

Дождавшись напарницу тетю Глашу, ушла вздремнуть пару часиков Тамара. Тетя Глаша поставила на плиту бак с водой, вынесла на улицу ведро картошки и, усевшись на маленький табурет, принялась за чистку.

Глава 3 Всё хорошо, прекрасная маркиза...

Уборщица тетя Тоня – пожилая рыхлая женщина – пришла на участок около двенадцати. Достала из деревянного ящика веник, ведро, швабру с тряпкой и подошла к вагончику-клубу.

Здесь на низенькой лавочке сидел дядя Нестерко. Давно бы ему уже быть дома, но не мог он без того, чтобы не посидеть полчаса с тетей Тоней, не посудачить о том о сем.

- Слушай, дед, а жена-то у нашего нового начальника имеется?

- Не жена, а подруженька.

- Откуда знаешь?

- Видел.

- Где?

Дядя Нестерко не спешил, смакововал паузу:

- Здесь на участке.

- Наша, что ли, поселковая?

- Не-а.

- Неужели привозил?

- Сама приезжала. Хорошая девонька. Беленькая. Только не по мне. Тоненькая какая-то Подержаться не за что. Эх, где мои семнадцать лет! – и дядя Нестерко попытался ущипнуть

тетю Тоню. Добродетель тети Тони защитила толстая рабочая фуфайка.

В это время Антон Валерьянович подъехал к пикету, где работала бригада Галагана, монтажники уже установили в котлован два фундамента. Готовились ставить третий. У самого края котлована стоял приземистый тракторный кран ТК. В будке – скворечнике колдовал над рычагами Шило, едва не упираясь головой в крышу. Прямо под крюком крана бульдозерист Игорь Яблоков подтаскивал «волоком» очередной фундамент – этаким гигантский гриб с квадратной шляпкой. Вот Шило дал отмашку. Хорош!

В котловане двое парней – Володя и Латиф (оба крупные, мускулистые) – вооружившись лопатами, готовят площадку под фундаменты. Наверну с дальномерной рейкой стоял весельчак Дима- и дает команду, где чуть снять землицы, а где малость подсыпать.

- Мастер! – тонко кричит он. – Отгадай загадку: летит, кричит, когтями машет.

- Сдаюсь! – Антон поднимает руку кверху.

- Это монтер летит со столба, - булькающе хохочет монтажник. В сторонке комплектует арматуру шофер Ходжиакбар Шайхов- тот самый, чьими стараниями на участке благополучно разрешилась проблема питания.

Сам бригадир Богдан Галаган установил теодолит чуть ниже пикета и теперь командует Диме, чтобы тот выпрямил рейку. Вот бригадир припал к окуляру и, удовлетворенно

брякнул, дал отмашку. Все нормально. Как в аптеке. Можно ставить.

На Галагане черная роба, защитной каски он не признает. Глянешь со стороны на его тщедушную фигурку, кажется – дунь, и Галаган полетит, планируя пышным рыжим чубом. Не верится, что он силен как черт. Но это не так. Когда нужно выпрямить согнувшийся уголок, Галаган орудует кувалдой с такой сноровкой, что опора содрогается до самой макушки.

Вот фундамент установлен, на него навешены ригели. Бригада, разобрав гаечные ключи, начинает «тянуть» детали крепления.

Антон придирчиво проверил работу:

- Порядок, ребята!

Взяв с собой Галагана, Антон направился на следующий пикет, расположенный на вершине куполообразного холма. В этом месте горы пересекали извилистая расщелина, соединяющая две долины, что раскинулись по обе стороны горного массива. По расщелине, прижавшись друг к другу, проходила железная и автомобильная дороги, несколько линий связи. Крепкий орешек! Надо добиться разрешения полдюжины ведомств на право проведения работ, увязать во времени, подготовить так, тобы успеть тютелька в тютельку

По проекту в этом пролете предусматривалось установить четыре опоры – две из них прямо в расщелине.

А зачем ставить две нижние опоры? Такую мысль подал

недавно Галаган. Воткнув одну на этом холме, а вторую - на противоположном, за расщелиной. И хорош! Конечно, получается огромный пролет. Конечно, монтировать его труднее- нужно в считанные часы раскатать и вытянуть провода, чтобы не задерживать железнодорожников, водителей, связистов Ну и что? Не впервой.

Предложение было заманчивым. Сэкономить две анкерные опоры, а значит и два-три дня Но Антон понимал: идти к проектировщиком с просьбой изменить проект лучше всего с готовыми расчетами. Теорию он знал. Но логарифмической линейкой здесь не обойдешься. Что, если попросить старого друга, бывшего однокурсника, ныне старшего инженера проектного института Игоря Немерада прокрутить все на ЭВМ?

Антон оглядел окрестность и заверил собеседника:

- В понедельник будет ответ.

Было начало седьмого, когда по гравию зашуршали шины. Под самыми окнами конторы остановился запыленный уазик. Из него вылез Твердохлеб – начальник соседнего участка. Удивительно быстро перемещая свое тяжелое тело, он заглянул в контору, и, увидев там Антона, удовлетворенно хмыкнул :

- Га! Ты тут, друже? Здорово!

Глаза у него бледно-голубые, словно бы выцветшие, мясистые щеки – в густой сетке красных прожилок, нижняя гу-

ба висит, нос, как говорится, не семерых рос. Тем не менее, манерой поведения он производил выгодное впечатление.

- Проходите, Олег Тимофеевич.

Тот зашел, сел в кресло, вытер лоб большим клетчатым платком.

- Послушай, что за территорию ты выбрал для участка? Хуже кладбища?

- Я не выбирал. Приехал на готовое

- А кто выбрал? Неужели Колобов?

- Шаров.

- Оно и похоже. А ты плюнь. Потерял бы несколько дней, да подыскал бы место получше. Народ бы тебе потом спасибо на это сказал. Ты видел мой участок?

- Видел.

- Во! Я договорился с райсом. Хоть и не сразу, а уломал. Зато поставил вагончик прямо в саду. Красота! Канал рядом. Тень, прохлада. А у тебя? Камень да щебенка. Да еще дорога под носом. Машины круглые сутки гудят!

- Поздно уже менять.

- Ну не скажи, - покачал головой Твердохлеб. - А перебираться не хочешь – все равно прими меры. У тебя же бочка на колесах есть – поливай свою щебенку хотя бы вечером. Семена какие-нибудь посади, пусть цветочки растут вдоль вагончиков. Если сам не найдешь, приезжай ко мне, я помогу.

- Олег Тимофеевич! – воскликнул Антон. – Какие цветочки?! У меня объект. ЛЭП-500!

- А у меня разве не объект? Не ЛЭП-500?

- Да я не о том. Просто времени не хватает на цветочки.

И без того забот полон рот.

- Забот хватает, - согласился Твердохлеб. – Хозяйство большое. Тут надо за ним день и ночь присматривать. А ты вот у какой-то тети Веры ночуешь. А ночевать нужно на участке, вместо с народом. Вот так, друже.

- Вы меня критиковать приехали?

- Упаси боже! Я же по- дружески!

- Я, между прочим, отдаю участку все свое время.

- Тебе виднее. Может и так. А вот еще у тебя вагончик-баня. Почему ты не моешь народ?

- Так баню надо топить, за котлом следить, солярку подливать. Специального человечка держать надо.

- Прими.

- Не положено.

- Знаю, что не положено. А ты все равно прими. За это тебя не повесят. Ну, поругают в крайнем случае. Зато народ тебе спасибо скажет. И работе веселее пойдет.

- Ближе к зиме, пожалуй, так и сделаем. А пока и в канале поплескаться можно.

Твердохлеб потер покрасневший лоб, поднялся, постоял немного и опять сел.

- Слушай, был у меня вчера Шаров. Предлагал отдать кусок трассы шабашникам. Я отказался. Смотри, как бы он тебе это шайку не всучил.

- Непременно учту ваш совет, - уклончиво ответил Антон.

Слова собеседника неприятно кольнули. Выходит, Шаров вначале предлагал «монтажного бога» Твердохлебу. Но тут пришла логичная мысль. Шаров, у которого натянутые отношения с Твердохлебом, вряд ли стал бы делать на того серьезную ставку. Видимо, решил «обкатать» идею, посмотреть, как ее воспримут монтажные зубры, потенциальные противники.

-Смотри, - с ударением повторил Твердохлеб. - Я тебя предупредил, друже. Как ы дров не наломать.

- А почему, собственно, вы против? Людей-то все равно не хватает.

- Не будут работать они у нас, не потянут.

- Поживем-увидим.

- Ну-ну, - Твердохлеб поднялся. – Бывай, друже.

Смерклось.

Вот-вот должны были возвратиться бригады.

Небо в стороне гор было уже черным, но над головой еще плыла синева. На границе дня и ночи выныривали из-под угасающих солнечных лучей желтые звезды – будто крохотные комочки отрывались от светила.

Антон думал о недавнем разговоре с Твердохлебом. Откуда этот тревожащий осадок?

Шаров считал, что Твердохлеб был когда-то силой, сейчас выдохся, мятый пар, не охватывает. Пора менять!

А Твердохлеб не собирался меняться. И его участок и сей-

час считался одним из лучших.

Он конечно «еще крепкий старик Розенбом». Но семьдесят пять раз отмерь с одного конца, столько раз с другого, а затем режь – вот весь Твердохлеб. И эти методы он собирается навязать ему, Антону.

Стало совсем темно.

Дед Нестерко протопал в своих валенках к рубильнику, опустил рукоять. Вспыхнули два прожектора, высветили пространство перед вагончиками.

С шоссе послышался гул тяжелого грузовика. Вот грузовик подъехал к воротам, заморгал сигналами поворота, шурша шинами, въехал на гравий. Из кузова выпрыгивали монтажники, из кабины широко шагнул бригадир Бондаренко.

- Все нормально?

- Порядок! Пять опор переложили.

Сноп света ударил по вагончикам – на участок сворачивала вторая машина. Вот она встала рядом с первой. В освещенной кабине рыжий чуб Галагана казался золотым.

- Мы свое дело сделала, мастер. Завтра до обеда ставим четыре подножника и – по домам. А до понедельника надо решать. Или гнать бульдозеры через дальний мост, или рыть котлован внизу. Слово за тобой, мастер.

Антон дружески похлопал бригадира по плечу.

- Отдыхайте, ребята.

Третий грузовик, крытый зеленым брезентом, буквально влетел на площадку. Антон, стоявший в темноте, узнал Бур-

лакова. Сделал было шаг в его сторону, но передумал. Судя по всему, дела в бригаде шли нормально.

Что-то долгонько нет бригады Мансурова. Антон закурил и, заложи руки за спину, медленно пошел к воротам. Где же Мансуров?

Антон встречал машины каждый вечер. Наверное, никто не догадывался, сколько нервов он выматывал себе, если какая-либо бригада запаздывала с трассы.

Он вышел на перекресток, пристально вглядываясь в темноту. Мрак стоял непроглядный. Горы слились с черным небом. Шоссе было пустынным. Антон вернулся к вагончикам, заглянул в столовую, еще раз поинтересовался, оставили ли ужин для мансуровских, опять вышел на перекресток.. Ни звука, ни огонечка.

Где же Мансуров?

Нервы, нервы, принялся успокаивать он себя. И тут же досадливо хмурился. Произойди какая-нибудь нелепость, прихоть судьбы – и конец всем его надеждам. И никакой «монтажный бог» не поможет.

Посмотрел на часы: половина десятого. Если через двадцать минут Мансуров не появится, надо отправиться на поиски.

Он опять закурил. И тут скорее почувствовал, чем увидел, вдали у самого подножья слабый огонёчек. Тот мелькнул и пропал. Антон решил было, что все это ему померещилось, но вот огонёк проблеснул снова, делаясь ярче каждой мину-

той.

Наконец, послышалось слабое гудение, будто растворенное в бесконечной темноте.

- Мансуров!- с облегчением выдохнул Антон.

Машина въехала на участок. Опять захрустел гравий под сапогами и тяжелыми ботинками. Антон подошел к бригадиру:

- Почему так поздно, Рауф?

Тот помолчал немного и ответил с горной улыбкой:

- Опору собирали.

И хотя он пытался произнести эту фразу небрежно, но дрогнувший голос выдал его взволнованность.

- Третью?

- Четвертую - Райф расцвел, не в силах сдерживая радость.

Антон порывисто обнял его:

- Четыре опоры за день? Дело! Молодец, Рауф! Спасибо, ребята!

К десяти часам все бригадиры и мастера , как обычно, собрались на ежевечернюю планерку.

Сегодня Антон был чрезвычайно краток. Он посмотрел на уставших, сонных бригадиров, что сидели

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.